ШЁПОТ ГЛАДКОЙ КОЖИ

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА • КИБЕРПАНК • АНТИУТОПИЯ

РОМАН

Анастасия Бланк

Шёпот гладкой кожи

«Автор»
2026

Бланк А.

Шёпот гладкой кожи / А. Бланк — «Автор», 2026

Меня зовут Кира. Для остального мира мрамор, раскалённый металл, бархат и щека любимого человека ощущаются одинаково — как холодный стерильный тефлон. Двадцать лет назад «Белый шум» стёр нервные окончания человечества, оставив зрение и слух, но лишив нас способности осязать жизнь. Я работаю реставратором фантомных импульсов: создаю нейропротезы, которые имитируют тяжесть чашки кофе или трение шерстяного свитера о плечи. Но когда на мой рабочий стол попадает тело убитого вице-президента корпорации «Такт», я обнаруживаю под его кожей не синтетический чип, а биологический интерфейс, перекачивающий живые нервные импульсы живых детей. Я начинаю собственное расследование, зная: единственный способ раскрыть правду — снова научиться чувствовать боль.

© Бланк А., 2026
© Автор, 2026

Анастасия Бланк
Шёпот гладкой кожи

ШЁПОТ ГЛАДКОЙ КОЖИ

Психологический биопанк-триллер

— ◆ —

«Для остального мира мрамор, раскалённый металл, бархат и щека любимого человека ощущаются одинаково — как холодный стерильный тефлон. Двадцать лет назад «Белый шум» стёр нервные окончания человечества. Но когда на мой стол попал труп с запрещённой текстурой живой кожи, я поняла: единственный способ раскрыть правду — снова научиться чувствовать боль...»

Глава 1. Нулевая шероховатость

Стекло разбивается совершенно беззвучно, если ты заранее знаешь, что твои пальцы не зафиксируют пореза.

Я держала осколок лабораторной колбы между указательным и большим. Кровь уже намочила фаланги, собираясь в густые тёмные капли на металлической столешнице, но для моей нервной системы ничего не происходило. Не было ни пульсации, ни жжения, ни резкого сигнала тревоги от синапсов. Просто визуальный факт: целостность эпидермиса нарушена, капилляры разорваны, пора наложить гемостатический пластырь.

Так выглядит норма последних двух десятилетий. Мы называем это «Великим обезболиванием», хотя никто из нас об этом не просил.

— Ты опять испортишь перчатку за четыреста кредитов, Кира, — раздался хриплый голос Вадима из угла лаборатории. Он не смотрел на меня: его внимание было приковано к калибровочному экрану, где мерцали зеленые синусоиды искусственной текстуры дубовой коры.

— Перчатка спишется на брак партии, — ответила я, зажимая рану полимерным клеем. Прозрачный состав схватился за секунду, стянув края пореза. — Лучше взгляни на входящие логи. Нам прислали спецзаказ из верхнего сектора. Без маркировки, без сопроводительного листа биоконтроля. Только личная печать Совета Директоров «Такта».

Створки шлюзового бокса разошлись с глухим шипением. Вкатившаяся автоматическая каталка несла капсулу криоконсервации. Сквозь матовый акрил проступал силуэт крупного мужчины.

Я подошла ближе, активируя оптический визор. Внутри лежал не просто VIP-клиент на рутинную замену сенсорной матрицы. Лицо Марка Сорокина — человека, чьё лицо улыбалось с каждого рекламного голокуба монополии «Такт», обещающего «вернуть радость прикосновений каждому дому» — застыло в неестественной гримасе ужаса.

Но поразило меня другое.

Я отключила систему охлаждения и коснулась его запястья сквозь диагностический щуп высокой точности. Приборы не показывали привычной нейтральной реакции тканей, характерной для всех носителей синтетических протезов. Сенсоры визора вспыхнули алым:

«Плотность рецепторных окончаний: 142% от докризисной нормы. Наличие миелиновых волокон: естественные. Причина смерти: нейрогенный шок, вызванный гиперстимуляцией болевых центров».

Человек, возглавлявший компанию по производству пластиковых имитаторов чувств, умер не от остановки сердца. Он умер оттого, что почувствовал слишком много. И это чувство не было машинным кодом.

— Вадим, вырубай внешние камеры, — тихо произнесла я, доставая микроскальпель. — Срочно.

— Кира, если мы снимем пломбы Совета...

— Вырубай, говорю. У этого трупа под ключицей пульсирует то, чего в природе не существовало последние двадцать лет. Живая, необработанная нервная ткань. И она до сих пор пытается передать сигнал наружу.

* * *

Глава 2. Рынок шёлка

Ночью туман над нижним ярусом пахнет жженой изоляцией и синтетическим спиртом. Для нас запахи и звуки стали последними якорями реальности, поэтому парфюмерия и музыка в этом городе развились до уровня агрессивного культа. На углах улиц стояли распылители тяжелых, почти удушающих ароматов корицы и прелой листвы — жалкая попытка обмануть мозг, лишенный сигналов снизу, от подошв ботинок.

Я шла, спрятав контейнер с биочипом Сорокина во внутренний карман куртки. Контейнер весил ровно двести граммов, но мне казалось, что он прожигает синтетику ткани.

«Шёлковый тупик» не значился ни на одной официальной карте. Это был не рынок в привычном смысле слова — здесь никто не торговал вещами. Люди стояли в полумраке вдоль глухих бетонных стен, прижимая к вискам серые овалы трансляторов. Их лица были запрокинуты, веки подрагивали.

Они покупали «текстуры».

— Десять минут дождя на открытой коже. Ранняя запись, нулевой год кризиса, очищенная дорожка, — шептал дилер, закутанный в бесформенный брезентовый балахон. — Пятьдесят кредитов. Никакого шума, чистая капля, разбивающаяся о предплечье. Берешь?

Мимо прошла девушка с расширенными зрачками; её пальцы судорожно сжимали и разжимали воздух, пытаясь удержать иллюзию шерстяного одеяла, за которую она только что отдала свой суточный паёк. Глядя на неё, я чувствовала холодную злость. Мы превратились в призраков, бродящих среди предметов, которые больше не умели отвечать нам взаимностью.

Я свернула в проход между складами, где меня ждал Нейтан — хакер, умевший взламывать военные шифраторы ещё в те времена, когда мир умел различать тепло и холод без экранов.

— Ты принесла его? — он даже не обернулся, его руки в тонких перчатках с оптоволоконными датчиками порхали над портативной консолью.

— Он у меня. Но ты должен сначала взглянуть на схему подключения.

Я достала цилиндр и положила его на пластиковый кейс консоли. Нейтан подсоединил считывающий кабель. Секунда тишины — и портативный проектор выбросил в сырой воздух дрожащую трехмерную голограмму нервной цепочки.

— Это не архив Сорокина, — пробормотал Нейтан, прищурившись. Строки кода бежали по его линзам с пугающей скоростью. — Это не запись памяти. Кира... это живой канал связи. Он до сих пор активен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.